

Вечер первого дня после окончания течки. Ци Хань валяется в своей комнате, отсыпается.

Кто-то входит. Он еще не до конца проснулся, только сквозь дрему слышит легкие, почти неслышные шаги. Не успевает открыть глаза, как на щеку ложится маленькая, теплая ладошка. Малыш, уткнувшись в край кровати, осторожно трогает его.

— М-м... Эй, мелкий... Чего ты сюда приперся...

Ци Хань лениво приоткрывает один глаз, скользит взглядом по ребенку, а потом, не раздумывая, вытягивает длинную руку и затаскивает его к себе в постель.

— Не спится? Маленького Гэ нет рядом, тогда давай ко мне, поспим вместе.

— Я не хочу спать...

Но он не успевает даже осознать, как оказывается, уткнувшись носом в крепкую руку Ци Ханя. Пытается двинуться, но вторая ладонь ложится ему на спину, прижимая вниз.

— Не упади, — хрипло бормочет Ци Хань, зарываясь носом в подушку.

Малыш: ...

Так и не поняв, как оказался в этом положении, он покорно замирает, опираясь на пухлую щеку и тяжело вздыхая. Ну и ладно. Ок. I am fine.

Фу Гэ заходит в комнату и сразу замирает на пороге, улыбка тянется сама собой, тепло заполняет сердце, разливаясь под кожей.

На не слишком широкой кровати двое. Ци Хань спит на боку, раскинувшись свободно, как человек, привыкший не волноваться во сне. Одеяло спущено до груди, и его загорелые плечи, сильные, покрытые старыми шрамами, открыты взгляду. Между его рук, свернувшись клубочком, дремлет малыш, прижимаясь к нему, будто котенок. Маленькие пальцы цепко сжимают крупную, жесткую ладонь.

Банально, до смешного, но в этом есть что-то особенное.

Фу Гэ тихо нагибается, касается губами теплых макушек — сначала одной, потом другой.

Малыш моргает, едва приоткрывая глаза. Увидев его, тут же расплывается в улыбке:

— Папа!

— Тише, малыш.

Ребенок мгновенно делает преувеличенно серьезное лицо, прижимает ладошку ко рту и на этот раз шепчет почти одними губами:

— Па-па...

Фу Гэ смеется, ласково трогает его нос, поднимает температуру кондиционера на пару градусов и шепотом спрашивает:

— А ты что тут забыл, а?

Малыш смотрит на него с совершенно искренним выражением, будто самый очевидный факт в мире:

— Папы рядом не было, я пришел к большому папе.

— Умница, — Фу Гэ поднимает взгляд и тут же замечает, что волосы у малыша снова торчат в разные стороны, как растрепанное птичье гнездо. — Ты чего сегодня такой соня?

— Я не спал! — Малыш дергает ножкой, потом рукой, всем видом показывая, что сам выбраться из этой западни не может. С поникшей головой, с выражением глубочайшей обреченности он вздыхает: — Просто большой папа меня обнял...

Фу Гэ тихо смеется:

— А по-моему, спал ты очень даже сладко, маленький поросенок.

Щечки малыша вспыхивают румянцем, он смущенно поджимает губы и тянет к нему руки:

— Па-па... можешь меня достать?

— Это непросто, — с улыбкой признает Фу Гэ. Он берет за руку Ци Ханя, пробует разжать его пальцы — не тут-то было.

Даже во сне его тело остается напряженным, будто настороженным, но при этом не давит, не сжимает — просто выбраться из этого объятия куда сложнее, чем кажется. Фу Гэ хорошо это знает: каждый раз, когда он выбирался из его рук, приходилось постараться.

— Может, разбудим его?

— Nonono! Не надо, большой папа очень устал.

Фу Гэ довольно улыбается и целует малыша в щеку:

— Какой ты у меня хороший.

Он достает из пакета небольшой воздушный шар.

Малыш тут же распахивает глаза:

— Вау! Это воробушек!

— С чего ты взял? Это просто птичка.

— Дядя сказал, что так говорить модно!

Фу Гэ усмехается. Пока малыш не может двигаться, он завязывает петельку на веревке и аккуратно накидывает ее на его маленькую ножку.

Стоит чуть приподнять ногу — шар тут же взмывает вверх. Пинок — и он плавно раскачивается в воздухе. Малыш в восторге, широко улыбается, болтает ногами и не отрывает глаз от шарика.

— Па-па! Воробушек полетел!

Фу Гэ снимает пиджак, осторожно приподнимает одеяло и устраивается с другой стороны малыша, тоже кладя голову на руку Ци Ханя.

Ци Хань спит ровно, глубоко, грудь поднимается в такт размеренному дыханию. Высокий нос, четкий профиль... но под глазами залегли темные круги, глубокие, тяжелые.

Да, он устал. За всю эту неделю почти не сомкнул глаз, ни на минуту не выпуская Фу Гэ из внимания.

Если честно, для Ци Ханя этот процесс не был ни приятным, ни легким.

Он гасил собственные желания, подавлял их до минимума, полностью подстраиваясь под Фу Гэ. Не важно, как далеко заходила игра, стоило только маленькому бете вздохнуть, тихо прошептать, что ему больно или некомфортно, — он тут же останавливался, без лишних слов.

Однажды они заигрались слишком сильно. Ци Хань, доведенный до точки, опасно

баланси́ровал на грани, и тело под ним ощущалось уже не как любовник, а как жертва — его добыча, его единственный центр мира.

Взгляд, пылающий кровавым алым, ни на секунду не моргнул, не отвел внимания, и если бы не его последняя, выученная до автоматизма самодисциплина, он бы разорвал все границы.

Но он заставил себя замереть. Поднялся, холодно, жестко — и ушел.

Встал под ледяной душ, ждал, пока бешеная пульсация в висках стихнет, пока тело перестанет гореть, пока дыхание не станет ровным.

Тем же вечером, когда Фу Гэ, убаюканный усталостью, распахнул сонные глаза, он увидел его.

Ци Хань сидел на краю кровати, сгорбившись, бледный, как смерть, руки дрожали, когда он подносил к венам иглу.

Фу Гэ смотрел, как жидкость уходит под кожу, как по капле проникает в кровь, и не мог двинуться.

Это была самая страшная вещь в его жизни.

Ци Хань ненавидел эти уколы, презирал их, страшился до спазма в горле. Но он не дрогнул. Даже когда слабость начала подкашивать ноги, он без раздумий вколол себе вторую дозу.

Он только недавно пережил вторую дифференциацию, и тело еще не пришло в норму. Альфа-инстинкты бушевали в нем, дергали, раздирали изнутри, превращая его в машину для размножения. Если бы он позволил себе войти в этот дикий, разнузданный режим — все было бы кончено.

Он перестал бы думать. Перестал бы слышать. Просто загнал бы своего партнера под себя и рвал, рвал, рвал, пока все не затихло.

Такого он никогда не допустит.

К счастью, он предусмотрел все заранее и взял с собой две ампулы.

С тех пор как в четырнадцать лет он стал альфой, прошло девять лет. И впервые за это время он сам, осознанно, по собственной воле ввел в себя этот проклятый, ненавистный препарат.

Фу Гэ в тот момент потерял дар речи. Он смотрел, как слезы одна за другой скатываются с его подбородка, впитываются в подушку.

Ци Хань обернулся.

Рука дрогнула, игла соскользнула в сторону, уколола кожу не там, но он даже не поморщился.

— Эй... — он попытался улыбнуться, — чего ты... перестань, не плачь. Ну, ну, хватит, все же в порядке...

Фу Гэ вцепился в его плечо, зубы впились в кожу до боли. Голос был хриплым, сломанным:

— Ты... какого черта... Ты же... ты ведь... больше всего в жизни боишься этого...

Ци Хань тихо усмехнулся:

— Я уже не боюсь этого больше всего.

Он посмотрел на него, взгляд мягкий, чуть лукавый, но в нем была какая-то глубинная, почти пугающая искренность.

— Раньше я больше всего боялся уколов и ингибиторов. — Он слегка сжал пальцы на его запястье. — А теперь... теперь больше всего боюсь, что ты будешь страдать.

Фу Гэ медленно провел подушечками пальцев по уголку его глаза, скользнул по высокому скулу. Ци Хань спал. Спокойно, ровно, без привычного напряжения в лице.

Он наклонился, едва касаясь, поцеловал его в центр лба.

— Ты устал... Спасибо тебе.

Но не успел он выпрямиться, как крепкая рука вдруг легла на его плечо и потянула вниз.

— Малыш? — хриплый, сонный голос.

— Я здесь. — Фу Гэ усмехнулся. — Я так осторожно двигался, а ты все равно проснулся?

Ци Хань, не открывая глаз, довольно улыбнулся:

— Я почувствовал.

— Что?

В следующий момент его рубашка медленно сползает с плеча, оголяя кожу, и воздух касается свежей, еще совсем новой метки.

Ци Хань наклоняется и жадно вдыхает запах, зарываясь носом в его шею, впитывая аромат, пропитываясь им до самого нутра.

Он мурлычет, совершенно довольный, полный собственнического счастья:

— Ты весь пропитан моим запахом...

Фу Гэ — его сердце, его любовь — был укутан его горьковатым ароматом колокольчика, слой за слоем, до самых костей.

— Большой папа, смотри, у меня шарик!

Голос малыша раздается неожиданно, звонко, прерывая их тишину.

Фу Гэ смеется. Ребенок гордо болтает ножкой, демонстрируя привязанный к ней шар.

Ци Хань еще не до конца проснулся, но, едва приоткрыв глаза, замечает, что его сын почему-то связан. Не долго думая, он лениво тянется и снимает веревку с его ноги.

Шар взмывает вверх.

Ребенок в ужасе смотрит, как его драгоценная игрушка исчезает, взлетая прямо под потолок. Он пару раз машет пухлыми ручками, пытаясь его поймать, но тот уже слишком высоко.

Лицо тут же вытягивается, губы дрожат.

— Мой шар улетел... — маленький голосок дрожит от обиды.

Глаза Фу Гэ округляются, он в шоке смотрит на Ци Ханя:

— Ты что наделал?!

Ци Хань зевнул, почесал затылок и совершенно невозмутимо сказал:

— Да все нормально, чего ты... Развязал же, вот и нет проблемы.

Малыш надул губки, посмотрел сначала на улетевший шар, потом на папу, и наконец, обреченно вздохнул:

— Но это же был мой шарик... Папа мне купил... И он был с птичкой...

Ци Хань, все еще в полудреме, пробормотал:

— А, с птичкой...

Малыш подумал, что тот тоже его оценил. Глаза тут же заблестели, он подался вперед, заглядывая в его лицо, и спросил с надеждой:

— Большой папа, правда же, милый?

Ци Хань, даже не удосужившись открыть глаза:

— Нет. Вообще нет. До твоего папы ему далеко.

Малыш: ○□○□□

Мир рушился. Вселенная перевернулась. Обиженный ребенок моментально зарылся лицом в грудь Фу Гэ, демонстративно отвернувшись от Ци Ханя и уткнувшись в него всей спиной.

Фу Гэ не выдержал и рассмеялся так сильно, что слезы навернулись на глаза. Но, пока малыш не успел разрыдаться по-настоящему, он ловко подскочил, ухватил улетевший шарик и аккуратно опустил его вниз.

Маленькие ручки тут же вцепились в веревочку, сжав ее в крошечный кулачок.

— А если большой папа опять запустит его в космос?..

Фу Гэ, с самым серьезным выражением лица:

— Тогда папа его отлупит.

Ци Хань мгновенно почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— Что такое?

Фу Гэ, все еще улыбаясь:

— Ничего. Спи, мы с тобой.

— М-м... — он притянул их обоих ближе, одного большого и одного маленького, уютно устраивая у себя в объятиях. Затем, почти машинально, спросил:

— Вы ели?

— Ели. Говядину с перцем, креветки и много-много овощей.

— А суп, который я вам сварил?

— Тоже выпили. Две полные миски.

— Молодцы.

Теплая ладонь нащупала его шею, погладила, проверяя температуру. А потом пальцы легко скользнули по коже, и голос, низкий, хриплый, чуть ленивый, спросил:

— Лихорадки нет? Ничего не болит?

— Ай, да все уже в порядке!

Фу Гэ тихонько коснулся пальцами его губ и прошептал:

— Нет температуры, ничего не болит. Ты так хорошо обо мне заботился... Эти дни... были особенно-особенно приятными... Мне так сильно понравилось...

Ци Хань усмехнулся, не открывая глаз, сильные пальцы медленно перебирали его волосы:

— Молодец, малыш. Когда проснусь, поставлю тебе десять печатей.

Тон был таким, будто он уговаривал ребенка. Фу Гэ смутился, уткнулся в его ладонь и несмело коснулся губами:

— Тогда и я тебе нарисую медвежонка...

<http://bllate.org/book/14453/1278366>